

дающим на долю человека бедствиям и страданиям. Утешительные послания писал учитель Зиновия Максим Грек, и, возможно, кое-какими подожжениями оттуда мог воспользоваться Зиновий, создавая свое послание,¹⁵ но общий строй рассуждений у него другой. Согласно Зиновию, все в мире — и природа и люди — подвержено страданиям, страстям, изменчивости. «Естеству вещей» присуще богом установленное «несостояние». Человеческая жизнь уподобляется этому постоянному коловращению в природе. Она также подчинена божьему промыслу (л. 75). Свои размышления о переменчивости человеческих судеб Зиновий подкрепляет ссылкой на книгу Экклезиаста (1, 4). В таком взгляде на жизнь Зиновий перекликается с безымянным автором статьи о книжной премудрости и суетности этого мира, известной в первой половине XVI в.: «... в житии сем ничтоже утверждено, горняя бо несутся долу, дольная же несутся горе».¹⁶

Стремящийся сохранить неизменяемыми честь и положение в обществе, заявляет Зиновий, обращаясь к своим адресатам, губит себя: «Не воззрит ли таковой к старейшему родов солнцу и благороднейшей луне, иже в толицей силе и светлости не без страсти суть» (л. 75 об.). Любопытно отметить, что к той же ссылке на книгу Экклезиаста (1, 4)¹⁷ и к тому же примеру из астрономии прибегает Зиновий Отенский и в «Истине показании», обосновывая свое космологическое доказательство бытия бога: «Безначальна бо точию единому богу бысть и не пострадати ни единому страстию. Аще же стражет что коли, что не есть безначально; рожену пострадати свойственно, понеже бытию своему началу имать... Небеса же, и земля, и вода, и воздух, и солнце, и звезды разумеваются, яко несть безначальны посему, понеже стражут».¹⁸

В этих своих религиозно-философских построениях Зиновий Отенский следовал Иоанну Дамаскину.¹⁹ По-видимому, его имел он в виду, когда, намекая на солнечное затмение, писал: «ибо и пресветлейшее солнце от луны страсть приемлет, яко же нещии рекоша» (лл. 71—71 об.).

Страдание выступает у Зиновия могучим двигателем: «Добро быти напасти илучши ослабы, и самая бо земля, оставленная — тернию и волчцу мати бывает, прилежима же и мучима — плодоносит, и лоза режема многоплодна, но и вода стоящая согнивает и смердит, нуждодвижная же и текущая — сладка и потребна суща» (лл. 79—79 об.).

Путь к святости лежит через страдание: «Отсюду мужи боголюбцы, мудрии же и разумнии, находящия скорби доблественне терпят, ови же и самоволне в скорби внидоша, нищету и злострадание избравше паче отчаго благородия, и могущества, и наслаждения...» (л. 78 об.). В этой апологии страдания сказала, очевидно, личная жизненная трагедия Зиновия. Как предположил еще Ф. Калугин, Зиновий подвергся опале и ссылке после второго осуждения в 1531 г. Максима Грека церковным

¹⁵ Так, например, следующим местом из послания утешительного Максима Грека о терпении в скорбях князю Димитрию: «Не возможно бо всякому человеку, пришедшему в сей мир, аще и в самый верх благоденствию въздет, без скорби всякия изыти от многоболезненного жития сего. И свидетель неложен глаголай песнопевец: кое житийское наслаждение пребывает печали непричастно? Кая слава стоит на земли непременна? Вся степени немощнейша, вся соний прелестнейша, нашедши бо смерть, сия вся разорила естъ». — Максим Грек. Сочинения, т. II, Казань, 1860, стр. 392.

¹⁶ Н. К. Никольский. Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода, т. II, вып. 2. СПб., 1910, стр. 824.

¹⁷ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 56—57.

¹⁸ Там же, стр. 63—64.

¹⁹ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Перевод с греческого А. Бронзова. СПб., 1894, стр. 48, 62—63.